

Международное гуманитарное право

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Альберто Гваделупе Фернандеш де К а с т р о*
(Сан-Томе и Принсипи)

1. Понятие “вооруженного конфликта, не носящего международного характера” и критерии его определения.

Сегодняшний итог процесса кодификации и прогрессивного развития норм международного права, применяемых во время вооруженных конфликтов, носящих немеждународный характер, как нам представляется, создает определенную основу для теоретического осмысления современного состояния и дальнейшей разработки всего комплекса социально-правовых проблем, порождаемых указанными конфликтами. В связи с этим представляется целесообразным начать с рассмотрения самого понятия “вооруженного конфликта, не носящего международного характера”.

Начиная с принятия в 1949 году Женевских конвенций о защите жертв войны, в международном праве было введено понятие вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Еще в 1949 году из проекта ст. 3 Женевских конвенций, предложенного Международным Комитетом Красного Креста, были исключены такие понятия, как “гражданская война”, “колониальные конфликты”, “религиозные войны”. Как полагал профессор Сиордет, исключение этих терминов объяснялось тогда необходимостью не допустить формализации ситуации. Ситуация, которая, по его мнению, “смогла отрицательно повлиять на действие ст. 3 Женевских конвенций, в которых содержится минимум правовых гарантий в случае возникновения вооруженного конфликта, не носящего международного характера, так как те или иные конфликты такого рода могли и не соответствовать указанным понятиям”¹. Другой причиной, по мнению юриста Мбатны из Чада,

*Кандидат юридических наук. Кафедра международного права Российского университета дружбы народов.

явилось “нежелание колониальных держав (их было большинство на Женевской дипломатической конференции 1949 г.) включить в это понятие колониальные войны — то есть национально-освободительные войны, которые они рассматривали, как входящие в область их внутренней компетенции”².

Действительно, такие конфликты долгое время рассматривались как внутренне дело государств, и какой-либо интерес к ним со стороны других субъектов международного права воспринимался, как недопустимое вмешательство или интервенция. Однако, уже в Уставе ООН в п. 7 ст. 2 устанавливается, что принцип невмешательства не распространяется на применение принудительных мер на основании главы VII Устава ООН.

Включение в Женевские конвенции специальной ст. 3 о вооруженных конфликтах, не носящих международного характера, является большим достижением в развитии международного права, в частности, международного гуманитарного права, так как впервые под защиту международного права были поставлены те категории комбатантов, которые ранее не имели такой защиты³.

Ст. 3, общая для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года, гласит: “В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из высоких договаривающихся сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения:

1) Лица, которые непосредственно не принимают участия в боевых действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещается и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

б) взятие заложников;

в) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение;

г) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

2) Раненых и больных будут подбирать и им будет оказана помощь.

Беспристрастная гуманитарная организация, такая, как Международный Комитет Красного Креста, может предложить свои услуги сторонам, находящимся в вооруженном конфликте.

Кроме того, находящиеся в конфликте стороны будут стараться

путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений настоящей конвенции.

Применение предшествующих положений не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон".

Принятие ст. 3, общей для Женевских конвенций, бесспорно явилось шагом вперед в развитии международного права. Однако, наряду с ее достоинствами, о которых шла речь, эта статья страдает существенными недостатками, на которые указывают многие авторы. К числу этих недостатков следует отнести, например, отсутствие определения вооруженного конфликта, не носящего международного характера, что, конечно, затрудняло проведение каких-либо различий между этим понятием и понятиями гражданской войны, национальной освободительной войны, а также ситуаций, нарушающих внутренний порядок и создающих обстановку внутренней напряженности.

Учитывая наряду с другими обстоятельствами, не отвечавшую требованиям времени степень защиты участников внутренних вооруженных конфликтов, Генеральная Ассамблея ООН в 1968 году приняла резолюцию 2444, в которой призвала участников международного сообщества применять основные гуманные принципы во всех вооруженных конфликтах и просила Генерального Секретаря ООН совместно с МККК изучить "необходимость в принятии дополнительных международных конвенций или других соответствующих правовых документов в целях обеспечения лучшей защиты гражданских лиц и комбатантов во всех вооруженных конфликтах"⁴.

Выполняя просьбу Генеральной Ассамблеи ООН и международной конференции Красного Креста, МККК подготовил и представил на обсуждение конференции правительственных экспертов проект двух дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г., которые с некоторыми изменениями были приняты в 1977 г. под названием "Дополнительные Протоколы к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г." Первый протокол касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Второй Протокол (Протокол II), непосредственно связанный с исследуемым вопросом, относится к защите жертв вооруженных конфликтов, не носящих международного характера.

В нем дается следующее определение вооруженного конфликта такого характера:

1. Настоящий Протокол применяется ко всем вооруженным конфликтам, которые, не подпадая под действие ст. 1 Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., происходят на территории какой-либо Высокой Договаривающейся стороны между ее вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол. Далее в п. 2 этой ст. I говорится:

"2. Настоящий Протокол не применяется к случаям нарушений внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напря-

женности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами".

Данные определения немеждународного вооруженного конфликта в определенной степени решают долголетний спор о том, что понимается под вооруженным конфликтом, не носящим международного характера.

Однако, до сегодняшнего дня в международно-правовой литературе не встречается единого мнения по поводу того, что такое немеждународный вооруженный конфликт. Не претендуя дать исчерпывающий анализ явления, отметим лишь некоторые высказывания и подходы, часто встречающиеся.

Свое согласие с тем, что термин "немеждународный вооруженный конфликт" используется в качестве синонима термина "гражданская война" высказывает юрист М. Мбатна⁵. Мнение о том, что под немеждународным вооруженным конфликтом подпадает прежде всего ситуация гражданской войны, высказывают некоторые российские ученые⁶.

Кроме того, в литературе встречаются и противоположные взгляды. Например, чилийские юрист Э. Монтеалегре полагает, что неразумно связывать термин "война" с такими ситуациями, которые исключают применение права войны, а именно на это значение указывает использование этого термина. Он придерживается понятия "вооруженного конфликта, не носящего международного характера", под которым понимается внутренняя ситуация коллективного использования силы. По значению эта ситуация превосходит внутренние беспорядки, сталкивающиеся в ней стороны представлены вооруженными группами, не имеющими статуса воюющей стороны⁷. Показательно, что сам Э. Монтеалегре отдает отчет в том, что это определение носит скорее описательный характер, чем содержит качественную оценку данного события.

Кроме прочих высказываний, встречается мнение как бы в международном гуманитарном праве есть два не совпадающих определения: в ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г., п. 3 ст. 1 Дополнительного Протокола II⁸.

Наконец, встречаются определения немеждународного вооруженного конфликта, воспроизводящие почти дословно дефиницию, данную в ст. 1 Дополнительного Протокола II⁹. Свообразную позицию занимает Шиндлер Д. Он отказывается от обобщающих определений, а выделяет те виды немеждународных вооруженных конфликтов, которые, по его мнению, признает современное международное право. Д. Шиндлер различает следующие виды немеждународных вооруженных конфликтов: а) Гражданскую войну в классическом смысле международного права как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством Третьи государства могут признать статус воюющей стороны; б) Немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3 общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и в международном вооруженном конфликте по смыслу Дополнительного Протокола II¹⁰.

Понятие гражданской войны, предложенное Д. Шиндлером, на наш

взгляд соответствует той ситуации, когда гражданская война преобразовывается из конфликта, имеющего внутренний характер, в конфликт, имеющий международный характер, т.е. налицо, национально-освободительная война, подпадающая под действие Дополнительного Протокола I 1977 года.

Определение вооруженных конфликтов, не носящих международного характера, данное в ст. I Протокола II, явилось результатом упорной борьбы. Работа конференции была сосредоточена на определении вооруженного конфликта такого рода. Перед экспертами стояло две альтернативы:

а) разработать узкое определение немеждународного вооруженного конфликта, которое может быть сопровождено обширным перечнем норм защиты;

б) или же вырабатывать такое определение, применяемое в многочисленных и различных случаях, которое могло бы быть сопровождено лишь незначительным числом элементарных принципов защиты жертв внутреннего вооруженного конфликта.

Именно первая альтернатива была учтена при определении немеждународного вооруженного конфликта в ст. I Дополнительного Протокола II, где дается обширный перечень норм защиты жертв этого вооруженного конфликта.

Один из самых сложных вопросов, возникших при формулировании ст. I Протокола II, был вопрос о критериях вооруженного конфликта, не носящего международного характера. Участники конференции выдвигали различные варианты требования, от открытого ношения оружия, контроля государственной территории, вплоть до того, насколько население страны поддерживает ту или иную стороны конфликта.

Среди них выделяется требование о том, что повстанцы должны контролировать часть государственной территории. По этому поводу в литературе встречаются различные мнения, например, утверждается, что такое требование является возвратом к прошлому, так как оно близко к той концепции, которая была поддержана большинством государств на Женевской Дипломатической конференции 1949 г. относительно внутреннего вооруженного конфликта. Это требование "сужает" круг вооруженных конфликтов, на которые должен распространять свое действие Протокол II, так как оно требует, чтобы повстанцы обладали всеми составными элементами государственности: организация, население, территория и т.д. Это означает, что применение норм международного гуманитарного права, касающееся вооруженных конфликтов, не носящих международного характера, предполагает наличие такого конфликта, который фактически носит международный характер¹¹.

Да, действительно, контроль территории является самым сложным в условиях партизанской войны, в которой повстанцы действуют везде и повсюду, спасаясь от варварских методов ведения боевых операций. В данном случае требование именно о постоянном контроле определенной части территории может оказаться трудным, иногда даже невозможным. Однако, это, как нам представляется, не уменьшает значение контроля территории как одного из главных критериев определения

внутреннего вооруженного конфликта, так как, находясь внутри страны повстанцы так или иначе продолжают контролировать ту часть территории, куда они перемещаются.

Говоря о требовании, согласно которому повстанцы должны применять положения Протокола II, следует выделить два момента: во-первых, если повстанцы не соглашаются применять положения документа, то для них он не действует, а во-вторых — любое положение Протокола II действует автоматически, когда на территории одного государства имеет место вооруженный конфликт, как общепризнанные обычные нормы международного права. История показывает, что не желая связывать руки обязательствами, принятыми правительствами, против которых они ведут войну, повстанцы во многих случаях соглашаются применять положения данного Протокола только после того, как ими самими было дано на это согласие¹². Хотя, некоторые эти заявления нельзя рассматривать как специальные соглашения, заключение которых предусмотрено ст. 3 общей, однако, сам факт таких заявлений весьма красноречив (например, односторонние заявления, сделанные сторонами вооруженного конфликта в Нигерии в 1967—1970 гг. о том, что они будут применять некоторые правила Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. к враждебной стороне). Мы полагаем, что второй момент — приемлемый, так как соответствует духу принципов международного права.

К другим критериям определения немеждународного вооруженного конфликта некоторые эксперты относят продолжительность конфликта, интенсивность боевых действий¹³, поддержку населением той или иной противоборствующей стороны¹⁴ и политическую цель борьбы¹⁵.

Говоря о немеждународном вооруженном конфликте, разумеется речь не может идти о каких-либо изолированных или разовых случаях вооруженных столкновений. Речь идет о ситуациях, когда военные действия носят продолжительный и интенсивный характер. В этой связи возникает вопрос: с какого момента можно считать конфликт продолжительным или интенсивным? Означает ли это, что принципы и нормы международного гуманитарного права не могут быть применены до тех пор, пока данный конфликт не будет отвечать этим требованиям? В этом как раз и заключается негативный и опасный аспект включения в качестве обязательного элемента данных критериев в определении этого вооруженного конфликта. Предложение о том, что противоборствующая законному правительству страна должна бороться за такое справедливое дело, чтобы получить поддержку населения, что такая поддержка не должна носить формального характера, а должна явиться конкретным открытым выступлением¹⁶ требует своего уточнения. В действительности поддержка населения как политический фактор может играть большую роль особенно в случае, когда между двумя правительствами одного и того же государства идет спор о представительстве этого государства вовне. Что касается непосредственно внутреннего вооруженного конфликта, то поддержка населения позволяет выявить справедливый характер борьбы, которую ведет та или иная сторона в конфликте. В этой связи высказываются мнения о том, что население не может подвергать себя опасности, открыто вступая в поддержку повстанцев¹⁷. Однако в

условиях внутреннего вооруженного конфликта, население данного государства и без того не находится под защитой от репрессивных действий властей. Поэтому, так или иначе оно должно выразить свое отношение ко всему, что происходит, несмотря на опасность, которой оно подвергается. Форма такой поддержки в каждом конкретном случае разная и зависит от конкретных обстоятельств.

Говоря о политической цели или борьбе противоборствующих сторон в немеждународном вооруженном конфликте следует полагать, что этот критерий сам собой разумеется, ибо нет такой стороны, которая боролась бы без этой цели. Другое дело, что эта цель должна соответствовать интересам широких народных масс, от имени которых очень часто ведется эта вооруженная борьба, нормам и принципам современного международного права, таким как принципы самоопределения народов и наций, включая свободу определения своего внутреннего и внешнего политического статуса, без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Политическая цель борьбы должна также соответствовать ранее принятым на себя обязательствам в области прав человека, например, обязательствам по Конвенции о предупреждении геноцида и наказания за него (1948 г.), Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973 г.), Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.) и другим. Следовательно, та сторона, которая ведет войну и при этом нарушает выше указанные обстоятельства, должна нести ответственность как за совершение ею международных преступлений.

Из смысла определения, содержащегося в Протоколе II, можно заключить, что первым признаком понятия выступает вооруженный характер конфликта. Но, в отличие от ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. в Дополнительном Протоколе II проводится различие между немеждународными вооруженными конфликтами и внутренними беспорядками (смотрите ниже).

Второй признак, указывающий на внутреннее происхождение конфликта, сформулирован более четко, чем в ст. 3, общей для четырех конвенций. Здесь использован метод исключения. Дополнительный протокол II действует в отношении всех конфликтов, которые не подпадают под действие Дополнительного Протокола I, т.е. он не распространяется на международные вооруженные конфликты. Таким образом, в этом определении указан верхний и нижний пределы данной разновидности вооруженных конфликтов. Верхним выступает международный вооруженный конфликт, нижним — внутренние беспорядки.

Далее, третий признак как бы дополняет второй, а для его формулировки подобраны более точные выражения. Здесь (ст. I Дополнительного Протокола II) такие конфликты будут проходить на территории одного из государств, а не только возникать, как это установлено в ст. 3 общей Женевской конвенции о защите жертв войны 1949 г.

Четвертый признак относится к характеристике восставшей стороны. Отмечается ее организованный характер, состоящий в том, что вооруженные группы должны находиться под ответственным командованием и осуществлять контроль над частью территории государства.

Данный контроль должен позволить или проводить непрерывные и согласованные военные действия и применять данный Протокол. Идентификация восставшей стороны делает более предпочтительным определение немеждународного вооруженного конфликта по Дополнительному Протоколу II по сравнению с определением, данным в ст. 3 общей.

2. Правовая квалификация внутренних беспорядков и напряженности

Наряду с такой формой внутреннего вооруженного конфликта как гражданская война, в доктрине международного права нередко можно встретить и такие понятия, как “мятеж”, “восстание”. Так, по мнению Ч. Хайда, о мятеже можно говорить в том случае, когда народ с оружием в руках восстает против своего правительства или власти его, против его законов или должностных лиц, такое положение называется мятежом (insurrection)¹⁸.

Тот же американский автор считает, что термин “восстание” (rebellion) применяется в отношении мятежа более широких масштабов, который обычно представляет собой войны между законным правительством страны и отдельными частями или провинциями этой страны, причем восставшие стремятся сбросить с себя подчинение этому правительству и образовать свое собственное правительство¹⁹.

Некоторые авторы рассматривают мятеж и подобные им акты как инциденты и пытаются проследить процесс трансформации мятежа в более масштабные формы вооруженного конфликта. “Если ситуация усугубляется и приобретает более серьезные масштабы и пропорции, ... организационный характер лидеров и представляет эффективное в течение времени сопротивление установленному правительству, то можно говорить о восстании, ... когда восстание идет еще дальше и восставшие контролируют часть территории государства и организуют ответственное правительство, тогда ситуация перерастает в гражданскую войну”²⁰.

По мнению И.П. Блищенко, “немеждународный вооруженный конфликт является, как правило, результатом перерастания внутренней напряженности к широкомасштабному нарушению прав человека”²¹.

В отличие от межгосударственных отношений, в сфере которых, как известно, применение силы или угрозы ее применения запрещены современным международным правом (п. 4 ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций) “во внутригосударственном праве в той степени, в какой государство запрещает применение силы для всех, кроме самого себя, преобладает иная ситуация. Иными словами, государство ... пользуется правом применения своих войск, полиции, и т.п. с целью предотвращения или пресечения внутренних беспорядков и напряженности”²².

Между тем, в отличие от ст. 3 Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. в Дополнительном Протоколе II проводится различие между немеждународными вооруженными конфликтами и внутренними

беспорядками. Напоминаем, что такое положение дел нашло свое отражение в п. 2 ст. 1 Дополнительного Протокола II, согласно которому юридические нормы данного документа не применяются “к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения остановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами”.

Давая правовую оценку изложенного выше положения, М. Беджауи, в частности, замечает, что “определяя концепцию немеждународных вооруженных конфликтов, Протокол II ограничен в сфере своего применения конфликтами данной ситуации, не связанными с внутренними беспорядками и напряженностью, которые не достигают такого порога. Однако, в настоящее время именно такие ситуации являются наиболее частыми и распространенными”²³.

По мнению того же автора, “специалисты говорят о внутренних беспорядках, когда в условиях отсутствия вооруженного конфликта государство применяет силу в целях сохранения или восстановления правопорядка и законности, и о внутренней напряженности, когда в условиях отсутствия внутренних беспорядков оно прибегает к превентивному применению силы в целях сохранения мира и законности”²⁴.

А. Эйде предлагает понимать под “внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свобод, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет”²⁵.

Как представляется, А. Эйде справедливо выдвигает “гуманитарный” критерий для определения “внутренних беспорядков и напряженности”, которые он сводит в одно понятие. Тем не менее, на наш взгляд, более правильно говорить о двух разных понятиях, хотя различия достаточно условны и их очень трудно провести.

В связи с вышесказанным в правовой литературе правомерно поднимаются два основных вопроса. Во-первых, в какой момент та или иная ситуация уже отвечает условиям поддержания правопорядка и перерастает в вооруженный конфликт? И во-вторых, кто, согласно положениям Дополнительного Протокола II, определяет, когда эта “грань” превышена²⁶.

Сложность ответа на первый вопрос (особенно если учесть, что и беспорядки могут сопровождаться применением оружия их участниками) обусловлена отсутствием на сегодняшний день общепризнанного эффективно действующего механизма как во внутригосударственном уровне, так и в международном масштабе, который позволял бы своевременно и объективно определить переход беспорядков в качественно новое состояние, т.е. во внутренний вооруженный конфликт. Выработка объективных критериев и процедур в целях решения таких вопросов — задача немаловажные, так в сфере международного, как и внутригосударственного права, тем более если речь идет об отграничении ситуаций,

в условиях которых действуют принципиально разные правовые режимы.

Относительно второго вопроса, то в доктрине международного права высказываются соображения, смысл которых сводится к тому, что упомянутую “грань” определяет само государство, так как противоборство имеет место между “... суверенным государством и его собственными гражданами, — отмечает М. Беджауи — и одной из основополагающих атрибутивных функций государств является поддержание правопорядка. Эта задача рассматривается государством в качестве его собственной, ни с кем более не разделяемой прерогативы”²⁷.

В настоящее время большой проблемой для многих стран являются также выступления молодежи, студенчества. А. Эйде также рассматривает эту проблему, выделяя данные явления в одну из категорий внутреннего конфликта: “Протесты молодежи, порождаемые чувством разочарования и безысходности, а также глубоким недовольством властями, но не выливающиеся ни в социальные революции, ни в расовые или этнические столкновения”²⁸.

Представляется вполне очевидным, что решения обоих вопросов взаимно связаны. Поэтому и во втором случае не всегда решение второго вопроса должно связываться с исключительной компетенцией государства, на территории которого имеют место рассматриваемые нами ситуации. В отдельных случаях (прежде всего когда они представляют собой реальную угрозу международному миру и безопасности и таким образом затрагивают интересы государств определенного региона или всего международного сообщества в целом) должны существовать возможности для привлечения третьей стороны, в качестве которой может выступать ООН, региональная организация или уполномоченный орган.

3. Международно-правовая защита жертв внутренних вооруженных конфликтов

а) Основные правовые гарантии.

Статья 4 Дополнительного Протокола II содержит ограничения, которые должны соблюдаться сторонами в конфликте в отношении лиц, находящихся в их власти. Ее цель — защита всего населения в пределах той территории, на которой происходит вооруженный конфликт. Содержание статьи составляют положения ст. 3, общей для всех четырех Женевских конвенций, ст. 33 четвертой Женевской конвенции 1949 года (запрещение терроризма и грабежа), а также ст. 8 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года (запрещение рабства и работорговли во всех их формах). Особое внимание уделяется детям, которым должны обеспечиваться необходимые забота и помощь. Они, в частности, должны получать образование, включая религиозное и нравственное воспитание, согласно положению их родителей. Дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы или группы и им не разрешается принимать участие в военных действиях. Особая защита, предусмотренная статьей 4 в отношении детей, не

достигших пятнадцатилетнего возраста, продолжает применяться к ним, если они принимают непосредственное участие в военных действиях вопреки вышеприведенному положению и попадают в плен. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых.

б) Правовое положение лиц, свобода которых была ограничена.

Статья 5 Дополнительного Протокола II содержит минимальные стандарты обращения с лицами, свобода которых была ограничена. В п. 1 ст. 5 закреплены нормы, которые должны соблюдаться при любых обстоятельствах. Так, лица, лишённые свободы по причинам, связанным с вооружённым конфликтом, независимо от того, интернированы они или задержаны, в такой же мере, как и местное гражданское население, снабжаются продовольствием и питьевой водой. Им обеспечиваются условия для сохранения здоровья и соблюдения гигиены, а также предоставляется защита от суровых климатических условий и опасностей вооружённого конфликта.

Дополнительные гарантии, изложенные в п. 2 ст. 5, не носят столь абсолютного характера, как в первом случае. Об этом свидетельствует редакция начальной фразы п. 2: "Те, кто несет ответственность за интернирование или задержание лиц, о которых говорится в п. 1, соблюдают также, в пределах своих возможностей, следующие положения, касающиеся таких лиц". Таким образом, реализация упомянутой группой лиц, например, права на медицинское обслуживание (ст. 5 п.2) поставлена в зависимость от произвольной субъективной, оценки стороны в конфликте своих соответствующих возможностей.

Важным вопросом, который закономерно возникает в связи с этим, является вопрос о контроле обращения с лицами, чья свобода была ограничена. Например, для случаев с военнопленными ст. 126 Третьей Женевской конвенции 1949 года предусматривает специальный механизм, в соответствии с которым представителям или делегатам держав-покровительниц и МККК должно быть разрешено посещение всех мест, где находятся военнопленные. Они могут беседовать с пленными без свидетелей. Аналогичным образом, в соответствии со ст.143 Четвертой Женевской конвенции 1949 года, представители держав-покровительниц и МККК могут посещать все места, где находятся покровительствуемые лица, т.е. места интернирования, заключения и места их работ. Им должен быть разрешен доступ во все помещения, используемые покровительствуемыми лицами, и беседы с ними без свидетелей.

Что касается ст. 5 Дополнительного Протокола II, то в ней вообще ничего не говорится о возможности упомянутых выше посещений представителями независимых учреждений. Поэтому, очевидно, нельзя считать нарушением ст. 5 задерживающей стороной установление ее режима секретности относительно порядка содержания и характера обращения с лицами, лишёнными свободы по причинам, связанным с вооружённым конфликтом. Тем не менее, мы считаем, что МККК не лишен права вести переговоры с целью получения соответствующего разрешения на посещение мест содержания указанных лиц.

в) Защита раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение.

В соответствии с Дополнительным Протоколом II, все раненые и больные, а также лица, потерпевшие кораблекрушение, независимо от

того, принимали ли они участие в вооруженном конфликте или нет, пользуются уважением и защитой. С ними при всех обстоятельствах должны обращаться гуманно и предоставлять им в максимально возможной мере и в кратчайшие сроки медицинскую помощь и уход, которых требует их состояние. Между ними не должно проводиться никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских. Во всех случаях, когда это позволяют обстоятельства, и в особенности после боя, необходимо принимать все меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, и оградить их от ограбления и дурного обращения.

Определенной гарантией реализации этих весьма важных с гуманной точки зрения требований Протокола служат меры по защите лиц, выполняющих медицинские функции, которые в известной мере восполняют пробел ст. 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года. Так, ст. 9 Дополнительного Протокола II предписывает, что медицинский и духовный персонал пользуется уважением и защитой, ему оказывается вся возможная помощь для выполнения ими своих обязанностей. При этом нельзя требовать, чтобы при выполнении своих функций медицинский персонал отдавал предпочтение какому-либо лицу, кроме как по соображениям медицинского характера. Ни при каких обстоятельствах ни одно лицо не может быть подвергнуто наказанию за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой, независимо от того, в интересах какого лица выполняются эти функции. Отражая специфику внутреннего вооруженного конфликта, п.4 ст.10 устанавливает, что с учетом национального законодательства ни одно лицо, выполняющее медицинские функции, никоим образом не может быть подвергнуто наказанию за отказ предоставить информацию или за непредоставление информации относительно раненых и больных, которые находятся или находились на его попечении.

В соответствии со ст. 11 медицинские формирования и санитарно-технические средства в любое время пользуются уважением и защитой и не могут быть объектом нападения. Отличительные эмблемы Красного Креста, Красного Полумесяца при всех обстоятельствах должны пользоваться уважением и не должны использоваться не по назначению. В целях укрепления гарантий соблюдения многих из приведенных выше положений требуется, на наш взгляд, принятие соответствующих норм в рамках национального характера.

г) Международно-правовая защита гражданского населения

Часть IV Дополнительного Протокола посвящается защите гражданского населения. Напоминаем, что участники Международной конференции по защите жертв войны, состоявшейся 30 августа — 1 сентября 1993 года в Женеве единодушно высказывались за необходимость максимально полного распространения сферы действия принципа защиты гражданского населения на ситуации внутренних вооруженных конфликтов²⁹.

На особо ожесточенный характер взаимоотношений между воюющими сторонами в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера обращал внимание еще Ф.Ф. Мартенс, который отмечал, что

“... Междоусобная война всегда гораздо больше вызывает у воюющих чувство ненависти и возбуждает страсти, чем война между независимыми народами. Следовательно, при междоусобной войне гораздо труднее найти в обычаях и законах войны надлежащие границы для произвола и насилия”³⁰.

Сегодня боевые действия в таких конфликтах зачастую ведут не регулярные армии, а полувоенные формирования. Широко используются наемники, в том числе уголовные элементы, для которых насилие — образ жизни и источник наживы. Отличительной чертой, характеризующей такого рода конфликт являются массовые казни и депортации в ходе “этнических чисток”, взятие заложников, изнасилования, и т.д., т.е. огромные жертвы среди гражданского населения.

Хотя вопрос об обеспечении надежной защиты гражданского населения, впрочем как и проблема применения других соответствующих норм международного права, во внутренних вооруженных конфликтах, неоднократно рассматривались международным сообществом, в частности, на международных конференциях Красного Креста, однако вплоть до принятия Женевских конвенций 1949 года эта весьма острая и важная проблематика оставалась вне сферы международно-правового регулирования.

Так, что касается норм Дополнительного Протокола II к Женевским конвенциям 1949 года, не определяющих правового положения гражданского населения во время внутреннего вооруженного конфликта, то наиболее важное значение имеет ст. 13 этого документа. Содержание этой статьи дословно воспроизводит текст первых трех пунктов ст. 51 Дополнительного Протокола I. Подтверждая действие принципа защиты гражданского населения в условиях внутреннего вооруженного конфликта (“гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями”), указанная статья запрещает нападения на гражданское население как таковое, равно как и на отдельных гражданских лиц. Как и во время международного вооруженного конфликта, единственным основанием для прекращения предоставления защиты (при этом речь идет о защите отдельных гражданских лиц, а не всего гражданского населения в целом) является только непосредственное участие этих лиц в вооруженной борьбе.

Согласно ст. 17 запрещается насильственное перемещение гражданских лиц за исключением тех случаев, когда это продиктовано соображениями обеспечения безопасности этих лиц или же “настоятельными причинами военного характера”. При этом в Протоколе не раскрывается содержание приведенного выше условия, которое отличается (во всяком случае редакционно) от ссылок на военную необходимость, содержащихся в других соответствующих международно-правовых актах. Запрещается также принуждать гражданских лиц покидать собственную территорию по причинам, связанным с вооруженным конфликтом.

Приведенными нормами фактически и определяется правовое положение гражданского населения и отдельных гражданских лиц в

условиях вооруженного конфликта, не носящего международного характера.

Устанавливаемый Дополнительным Протоколом II правовой режим гражданского населения страдает существенными недостатками, что обуславливает явное несоответствие данного режима природе и характеру современных вооруженных конфликтов, происходящих внутри государства. Например, действие ряда положений, закрепленных в Дополнительном Протоколе I, необходимо распространить на ситуации немеждународного вооруженного конфликта. Речь, в частности, идет об обязанности воюющих сторон всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами и не превращать первых в объект нападения, о положениях, обязывающих воюющие стороны в интересах обеспечения защиты гражданского населения постоянно принимать соответствующие меры предосторожности, предусматривающие презумпцию принадлежности физических лиц к категории гражданского населения в случае сомнения в их статусе, запрещающие применение средств и методов ведения военных действий, которые ведут к неизбирательному поражению комбатантов и гражданского населения (например, воздушные бомбардировки неизбирательного характера), а также ряд других положений, составляющих нормативное содержание упоминавшегося выше принципа защиты гражданского населения.

д) Защита гражданских объектов

Насущная потребность укрепления правового режима защиты гражданских объектов в период внутренних вооруженных конфликтов обусловлена прежде всего необходимостью обеспечения безопасности и нормальных условия жизни гражданского населения.

В конце 60-х — начале 70-х годов Генеральная Ассамблея ООН, выражая глубокую обеспокоенность международного сообщества огромными страданиями, которые вооруженные конфликты продолжают причинять комбатантам и гражданскому населению, а также все возрастающими масштабами материального ущерба в особенности в результате использования жестоких средств и методов ведения войны, а также “вследствие недостаточных ограничений при определении военных объектов”, приняла ряд резолюций, в которых указала на необходимость выработки норм, призванных “усилить защиту некомбатантов и гражданских объектов”³¹.

Касаясь вопроса о правовой защите гражданских объектов, Генеральный Секретарь ООН уделял особое внимание проблеме выработки таких определений и понятий, как “военный объект” и “гражданский объект”, которые исключали бы возможность расширительного толкования понятия “военный объект”. В докладах Генерального Секретаря особо указывалось, что невоенными объектами следует считать: “а) средства, необходимые для существования гражданского населения; б) объекты, которые по своей природе или использованию служат главным образом для помощи или мирных нужд, таких, как религиозные и культурные нужды”³².

Рекомендации, изложенные в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и докладах Генерального Секретаря ООН, были в известной мере учтены участниками Дипломатической конференции по гуманитарному

праву при выработке соответствующих положений Дополнительных Протоколов к Женевским конвенциям 1949 года, работа конференции привела к конвенционному закреплению одного из важнейших принципов права вооруженных конфликтов, согласно которому в целях обеспечения жизненно важных интересов мирного населения стороны в конфликте должны всегда проводить различие между гражданскими и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов (ст.48 Протокола I). Согласно п.2 ст.52 этого Протокола, “нападения должны строго ограничиваться военными объектами. Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество”. В соответствии с п.1 ст. 52, “гражданскими объектами являются все те объекты, которые не являются военными объектами, как они определены в пункте 2”.

Пункт 3 ст. 52 устанавливает, что в случае сомнения в том, используется ли объект, который обычно предназначен для гражданских целей (например, место отправления культа, жилой дом, школа или другие постройки), для эффективной поддержки военных действий, предполагается, что такой объект используется в гражданских целях.

Дополнительный Протокол I относит к гражданским объектам, против которых не допускается нападения, жилища, сооружения и средства транспорта, используемые гражданским населением; места и районы, используемые исключительно гражданским населением (убежища, больницы, разнообразные зоны и т.п.); районы производства продуктов питания, источника воды; установки и сооружения, содержащие опасные силы (плотины, дамбы и атомные электростанции); объекты, представляющие собой культурную ценность, а также места отправления культа.

В плане правовой регламентации положения гражданских объектов Дополнительный Протокол II заметно уступает Протоколу I. Так, в Протоколе II отсутствуют определения понятий “военный объект” и “гражданский объект”, нет прямого указания на то, что в ходе боевых действия воюющие стороны обязаны обеспечить надлежащую защиту гражданских объектов и соответственно осуществить военные действия только против военных объектов. Кроме того, из всей совокупности гражданских объектов, подлежащих правовой защите в соответствии с Дополнительным Протоколом I, в Дополнительном Протоколе II упоминаются лишь такие категории, как объекты, необходимые для выживания гражданского населения; установки и сооружения, содержащие опасные силы; исторические памятники, произведения искусства и места отправления культа, а также культурные ценности. О международно-правовой защите культурных ценностей во время внутреннего вооруженного конфликта свидетельствует ст. 19 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 года, согласно которой воюющие стороны обязаны применять положения конвенции и в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Определение немеждународного вооруженного конфликта является более или менее общепринятым, несмотря на то, что в некоторых случаях оно все еще зависит от ряда обстоятельств, политической и юридической интерпретации тех или иных случаев возникновения вооруженного столкновения между различными вооруженными формированиями внутри той или иной страны. Гуманитарные нормы, содержащиеся в ст. 3 общей Женевских конвенций 1949 года и Дополнительном Протоколе II к ним 1977 года представляют гарантии лицам, не принимающим участие в боевых действиях, гражданскому населению, особенно женщинам и детям. Лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, документами гарантируется гуманное обращение.

Однако, обстановка в мире не остается застывшей на уровне 1949 или 1977 г. В целях дальнейшей гуманизации внутренних вооруженных конфликтов необходима дальнейшая кодификация норм и принципов международного гуманитарного права, применяемых в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

¹ *Siordet F.* Les conventions de Genève et la guerre civile. Genève, 1950, p. 18.

² *Мбатна Б.* Немеждународный вооруженный конфликт и международное гуманитарное право. Автореферат диссертации. М. 1985, стр. 12.

³ *Полторах А.И., Савинский Л.И.* Вооруженный конфликты и международное право, М., 1976, с. 178.

⁴ Резолюция ГА ООН 2444 (XXIII) об уважении прав человека в период вооруженных конфликтов от 1968; Резолюции, принятые ГА ООН на XXIII сессии 24 сентября — 21 декабря 1968 г. Нью-Йорк, с. 66.

⁵ *Мбатна Б.* Указ. соч., с. 8.

⁶ *Блищенко И.П.* Немеждународный вооруженный конфликт и международное право // Советское государство и право, № 11, 1973. С. 131—132; *Арибасов И.Н., Егоров С.А.* Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия, 1989, с. 47.

⁷ *Montealegre H.* Conflictos armados internos y derechos humanos // Studies and essays ... p. 737.

⁸ *Капустин А.Я., Мартыненко Е.В.* Международное гуманитарное право. М., 1991, с. 55—56.

⁹ Словарь международного права. М., 1982, с. 25.

¹⁰ *Schindler D.* The different types of armed conflicts according to the Geneva conventions and protocols // Recueil des cours. Vol. 163. Sijthoff, 1979, 145.

¹¹ *Dupuy R.J. et Leonetti A.* La notion de conflit armé a caractere noninternational dans "The new humanitarian law of Armed conflict". L. 1979, p. 269.

¹² Как примеры: заявления, сделанные странами во время вооруженных конфликтов в Испании 1963 г.; Палестине 1968 г.; Венгрии 1956 г.; Йемене 1962; Нигерии 1967, и другие. См.: *Venthey M.* Guerrilha et droit humanitaire, Genève, 1983.

¹³ Предложение делегации Индонезии на Женевской конференции, 1975 г., см. Док. CDDN/I/SR. 22. p. 16.

¹⁴ Это предложение сделано делегацией Вьетнама. См. там же, p. 17.

¹⁵ *Полторах А.И., Савинский Л.И.* Указ. соч. с. 189.

¹⁶ Такое предложение было сделано представителем Вьетнама на Диплома-

тической конференции по подтверждению и развитию международного гуманитарного права, 1975, см. Doc. CDDN/I/SR.

¹⁷ Dupuy R.J. et Leonetti A. La notion de conflit armé a caractere noninternational dans "The new humanitarian law of Armed conflict". Edit by A. Cassese. Napoli; 1976, p. 273.

¹⁸ Хайд Ч. Международное право (его понимание и применение Соединенными Штатами Америки). М., 1953 г., т. 5, с. 31.

¹⁹ Там же.

²⁰ Thomas A.V. and Thomas A.J. Non-intervention. The law and it's import in the America. Dallas, 1956, p. 216.

²¹ Блищенко И.П. Дополнительный Протокол о немеждународном конфликте 1977 г. и Проблема беженцев // Московский журнал международного права, спец. Выпуск, декабрь 1998 г., с. 92—93.

²² Современные войны (гуманитарные проблемы). М., 1990 г., с. 36—37.

²³ Современные войны ..., с. 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Чехарин Ю.Б. Международно-правовая оценка внутренних конфликтов (аналитическое исследование). М., 1989 г., с. 13.

²⁷ Современные войны ... с. 39.

²⁸ Там же.

²⁹ Draft declaration adopted by consensus by the Drafting Committee on September 1, 1993.

³⁰ Цит. по Фуркало В.В. Международно-правовая защита гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов, К., 1986, с. 92.

³¹ Резолюция Г.А. ООН 2444 (XXVIII) от 19 декабря 1968 г., 2852 (XXVI) от 20 декабря 1971 г., 3102 (XXVIII) от 12 декабря 1973 г.

³² Док. ООН/A/7720 от 20 декабря 1969 г., с. 59.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.